

Баранец

Баранец — если быть точным, это существо застряло где-то посередине между животным и растением. Его руно сияет чистым золотом, а облик в точности повторяет овечий, но стоит подойти ближе, как истина открывается во всей своей причудливости. К нижней части этих пушистых, похожих на хлопковые облака созданий тянутся четыре-пять толстых стеблей. Баранцы по-варварски вытягивают из почвы все питательные вещества, из-за чего вокруг их стада не растет ни единой травинки.

Если срезать баранца со стебля, из него начинает сочиться субстанция, напоминающая кровь. Она полна накопленной за время «хищничества» энергии и после небольшой обработки превращается в отличное укрепляющее средство.

— Эта штука — суцая напасть, — вполголоса делились впечатлениями люди из отряда. — Если бы из-за такой пакости у меня на поле перестали расти колосья, я бы из принципа сжег всё их родословное древо до восемнадцатого колена.

— Для этого баранцы должны водиться и в верхнем мире. Интересно, они там есть?

— Ну и вопрос... Мы же все их впервые видим.

Фарфадэ слегка встряхнул флягу с соком «растительного ягненка». При ближайшем рассмотрении эта «кровь» оказалась густой и тягучей, словно атлас, и отливала зловещим блеском. Как бы то ни было, найти баранцев до того, как иссякли запасы провизии, было большой удачей — значит, путь проделан не зря.

В хорошем расположении духа юноша на время позабыл о досаде, которую испытывал три дня назад из-за нехватки пустых сосудов. К счастью, баранцы обитали на голых равнинах и встречались довольно часто. В целом поход выдался богатым на трофеи. Жаль лишь, что ни силы людей, ни грузоподъемность карманного кота Класа не были безграничны — пришлось со скрежетом зубовным оставить часть добычи позади.

Вообще-то, странствие по неизведанным землям Преисподней требовало предельной бдительности, но образ всезнающего лорда и решительность лидера придали людям уверенности. В итоге мужчины, завидев любую дичь, тут же рвались в бой.

А Фарфадэ оставалось лишь в одиночестве стоять над горой трофеев и мучительно решать, что взять, а что бросить.

Фарфадэ: «...»

«В конце концов, говорят же, что при переносе в другой мир полагается Система. Почему у меня её нет? Будь у меня основной квест, я мог бы следовать ему, не забывая голову лишними заботами. Был бы магазин и, самое главное, инвентарь... В инвентарь можно было бы запихнуть всё добро кучей, а не устраивать этот бесконечный отбор... Ладно, забудь».

Он пробормотал эти жалобы себе под нос, пока никто не видел, чувствуя лишь безмерную душевную усталость.

Погрустив секунд пять, юноша с бесстрастным лицом отдал приказ двигаться дальше. В глубине души он твердо решил: больше никакой самодеятельности. Никаких сражений с дикими кабанами или оленями по первому капризу толпы. Раньше он переживал, что путь может затянуться, опасался скрытых угроз и того, что не успеет вмешаться, а потому стремился запастись оружием и едой по максимуму.

Однако этот поход доказал одну истину: если у прямоходящих «терроризирующих обезьян» есть инструменты, численное превосходство и отсутствие информационного голода, предел их возможностей практически неисчерпаем...

На обратном пути строй растянулся длинным полумесяцем. Время от времени доносилось уханье, похожее на крик совы — низкое и исполненное тайного смысла. Фарфадэ смотрел на далекие цепи серых гор и на исполинские черные кости неведомых зверей, внезапно вырастающие посреди равнины. В его алых глазах застыло раздумье. Непривычное слово само собой всплыло в памяти: «доисторический».

Что же это значит? Эпоха, пропитанная духом безлюдной пустоши и вызывающая трепет; время, позволяющее заглянуть за край самой истории, хотя до конца времен было еще бесконечно далеко. Он приподнял руку, защищаясь от порывов ветра, несущих песок.

Достав из-за пазухи банку с маленькими пауками, он принялся за это безвкусное лакомство, запивая его горячим чаем. Затем, взбодрившись, продолжил набрасывать карту. Еще до отъезда он выкраивал время, чтобы расспросить Виладуана о методах картографии: как определять масштаб, делать эскизы и наносить простейшие маркеры. На данном этапе создать точную карту было невозможно, но даже примерные очертания местности — уже прогресс.

Тогда же он обнаружил, что владеет базовыми навыками рисунка. Откуда они взялись? Может, учился до перемещения? Впрочем, судя по уровню, вряд ли он был профессиональным художником.

На словах он ненавидел писать отчеты, но всё же старался в лаконичных выражениях фиксировать подробности путешествия. Он заметил, что люди из отряда любят подбирать всякие безделушки: то странный камень, гладкий, как зеркало, то необычайно прочную траву, из которой выходят отличные пояса, то оброненное неведомой птицей перо. В свете костра это перо переливалось, словно покрытое слоем изменчивых чернил, меняя цвет в зависимости от угла зрения. Фарфадэ предпочел закрыть на это глаза. На кроликов можно поохотиться и в другой раз, а кто знает, когда еще выпадет случай найти крупицу радости в этой бескрайней и

монотонной мгле?

То ли пример Фарфадэ, вознамерившегося притащить домой змеиные яйца, оказался заразительным, то ли просто так совпало, но прежде чем первая пара деревянных башмаков протерлась до дыр, люди совершили нечто невообразимое. Перед возвращением в поместье они умудрились где-то изловить щенка... Трехголового щенка!

Кот при виде этого чуда выгнул спину и зашипел, люди впали в ступор, а Повелитель Демонов просто лишился дара речи.

— Это... что еще такое? — наконец выдавил Фарфадэ.

— Наверное... собака? — неуверенно предположил кто-то.

— По-моему, волк, — вставил другой. — Но я не уверен, в детстве они все на одно лицо...

— Я спрашиваю, где вы его взяли... Ладно, неважно. — Фарфадэ вздохнул. — Поторапливайтесь, возвращаемся. И я повторяю еще раз: больше ничего не приносить! Ни живого, ни мертвого!

***

Хельзе поднялась на высокую стену, бережно прижимая к себе сверток белой ткани. Холодный, чистый аромат свежестыранного белья приносил ей долгожданное умиротворение. Она поздоровалась с другими женщинами, пришедшими развесить одежду, и, опустив травянисто-зеленые глаза, принялась аккуратно расправлять полотно.

Отсюда, сверху, было видно, как почти половина внутреннего двора уставлена деревянными вешалами. Развешивающиеся на них одежды казались пестрыми пятнами под вечно хмурым небом. Цвета смешивались с настроением людей, напоминая флаги чистоты, ожидающие своего часа.

Она вспомнила, как в детстве её вечно бранили за жадность в еде и за трусость — она была пуглива, как мышь, и у неё подкашивались ноги, стоило лишь полезть на дерево. Если бы сейчас кто-то вздумал описать её этими словами, никто бы не поверил, что речь о ней. Простая деревенщина... в их жизни не так уж много событий. Родиться — а если мать умерла при родах, то выживать на козьем молоке — провести детство в шалостях, наказаниях и бесконечных делах, не выпуская из рук косы и лопаты. А затем повзрослеть и всей семьей гнуть спину на тех нескольких акрах земли, что дают пропитание. Будучи дочерью мельника, она жила богаче многих крестьян, но и ей приходилось иметь дело и с соседями, и с монахами, и с местными проходимцами.

Их старший брат умер в младенчестве, поэтому отцу приходилось по очереди брать её и сестру

на рынок. Там она прямо или косвенно становилась свидетельницей чужих рождений, свадеб и смертей. Жизнь в маленькой деревне, где все были связаны родством на протяжении поколений, должна была течь своим чередом до самого конца... Что ж, её конец наступил слишком рано. Но даже тогда она не подозревала, что за порогом небытия её ждет нечто неведомое.

Как когда-то заметила Гитна, Хельзе вовсе не была глупа. Если кто-то принимал её осторожность и умение приспосабливаться за трусость или нерешительность, то этот человек совершал роковую ошибку. Она прекрасно понимала: её положение во многом обусловлено тем, что она пришла одной из первых. У простой деревенской девушки нет ни стати рыцаря, ни знаний алхимика, а значит, ей остается лишь сохранять хладнокровие и как можно больше общаться с людьми. Без умения договариваться здесь не выжить. Первое чувство после смерти — смятение, и она должна была ухватиться за этот хаос, чтобы постепенно направить людей на верный путь...

Немного сочувствия, немного внимания — среди мертвецов много бедняков и мало королей. Этой ироничной фразы было достаточно, чтобы она стала «своей» для большинства. Как когда-то люди шли с просьбами к её отцу, так и она старалась по мере сил помогать окружающим, чтобы её помнили, чтобы в ней нуждались. Делать это в роли управляющей или в роли обычного человека — две огромные разницы. В конечном счете даже Фарфадэ понимал: несмотря на кажущуюся неуверенность, она твердо стоит на ногах.

«Помогать можно, но в меру. Не делай этого в открытую и не переусердствуй», — сказал ей тогда Фарфадэ. — «Люди чувствуют себя в большей безопасности, когда им кажется, что они всего добились сами».

Он произнес это так обыденно, почти мимоходом. В тот миг Фарфадэ, казалось, хотел улыбнуться, но уголки его губ так и не дрогнули. Должно быть, в этот момент он думал о чем-то своем.

Внезапно она увидела вдали строй, изогнутый дугой, словно молодая луна. Хельзе очнулась от своих мыслей, подхватила юбки и легко сбежала по ступеням бастиона. Её черные волосы развевались на ветру, а шаг был быстрым и радостным.

— Вернулись! — воскликнула она. — Они вернулись!

Впрочем, Фарфадэ перед уходом особо подчеркивал: по возвращении пусть все занимаются своими делами. Никаких торжественных встреч, это только мешает работе.

Фарфадэ на ходу развязывал плащ. Не успев пригубить даже глотка горячего чая, он бережно укутал в полы одежды яйца и ту самую «собако-змею» и поспешил в столовую. Что до Класа — карманный кот наотрез отказался находиться рядом с этими непонятными тварями. Он просто развалился в передней, и никакие уговоры не могли сдвинуть его с места. Людям пришлось разгружаться прямо там. Из черных сумок посыпались бесчисленные склянки, куски мяса, охапки мехов... Вместе с добычей охотников в передней воцарился полный хаос.

Подоспевший повар — пастуший гусь-монстр — не успел даже вымолвить приветствие (например, радостное «О, с возвращением, Ваше Высочество! Не принесли ли вы со своими слугами чего-нибудь изысканного, что я мог бы приготовить сегодня?»), как увидел в руках господина... ЭТО.

Гусь посмотрел на лорда, затем на яйца и вдруг, отшвырнув поварешку, истошно завопил:

— Ваше Высочество!!!

Ну и что это за сцена?

Гусь вцепился клювом в край его плаща и со слезами на глазах запричитал:

— О, господин! Я знаю свой долг, я верно служу на кухне! Неужели у вас поднимется рука бросить меня в змеиные конюшни?! Я...

— Уймись, — с мрачным видом оборвал его Фарфадэ. — Никто не заставляет тебя их растить. Я просто хотел спросить о правилах ухода, а присматривать за ними будет кто-то другой!

Гусь моментально отпустил плащ:

— А, ну так бы сразу и сказали!

Он с живейшим интересом осмотрел яйца.

— Хм... Яйца змеедева. Такие змеи вырастают огромными... К тому же они способны летать, а их чешую можно использовать дляковки оружия. В кладовой как раз должны быть подходящие седла...

Летать? Фарфадэ почувствовал, как просыпается интерес. Он смутно догадывался, что змеи в этом мире служат в качестве тягловой силы, но представлял себе нечто вроде волов — медлительных и тяжелых. Оказалось, он раздобыл средство для воздушных перевозок.

Похоже, эта находка действительно была сокровищем.

<http://bllate.org/book/16116/1586236>